

4.08.91

280

Лит. газ. - 1991 - Февр. (№ 31) - С. 1

НА ПРОВОДЕ — ЛОС-АНДЖЕЛЕС

БУДЬ ЗДОРОВ, БУЛАТ!

Естественно, мы, журналисты, всегда хотим продемонстрировать свою осведомленность. И вот в одной из центральных газет появляется написанное, разумеется, из самых добрых побуждений тревожно-жалостливое сообщение о бедственных делах Булата Окуджавы, а следом — в другой, в третьей. И Московский центр авторской песни объявляет о счете, куда можно направлять наши «деревянные» рубли, указав, что они для «лечения Окуджавы», — опять-таки порыв, конечно, благородный, от всей души, от любви к поэту, но... Но кто уполномочил центр делать это, знают ли близкие поэта? А он, уверена, не захотел бы ничего подобного.

Между тем «Вести» разносят эту весть-SOS по всей Руси великой, а «Эхо Москвы» вторит, и не без ехидства, и, скажем прямо, в общем-то, справедливо вопрошает при этом: что же друзья, ну хоть те, с обложки «Огонька»? А накануне звонит к нам в редакцию Е. Евтушенко: не можем ли мы выяснить номер счета госпиталя, где делали операцию Окуджаве, он пытался связаться с нью-йоркским переводчиком Тоддом, но безрезультатно. И тут же еще звонок — из ленинградского информационного агентства «Северо-Запад»: готовы помочь. Так что же происходит?

Звоню в Лос-Анджелес. Редактор «Панорамы» Саша Половец говорит, что Булат Шалвович живет уже не у него, в другом месте. Окна и балкон дома выходят на океанический залив, погода нежаркая — 20—25 градусов, — и ему, слава Богу, гораздо лучше, кашляет меньше... И тут я, набравшись духу, спрашиваю о финансовых проблемах, говорю о заметке в «Комсомольской правде», о телесообщениях, об объявленном центром авторской песни сборе средств. Половец объясняет, что нет никакой катастрофы и ни к чему и эта паника, и весь этот ажиотаж. Спасибо большое ребятам из центра, но есть другие способы и возможности погасить долг. Когда мы оказались перед необходимостью операции и узнали, во что она может обойтись, то готовы были биться в любую дверь. Но когда операцию сделали и стало ясно, сколько это стоит, то мы пытались и продолжем вести финансовые дела как можно

тише. Но круги пошли почему-то именно теперь. Вдруг началось нагнетание страстей. Советские люди должны понять, что для Америки это обычная история. Здесь все дорогое в кредит — дом, машина, тем паче лечение, и никто не требует немедленного возмещения затрат. Конечно, Ольга Владимировна тревожится, переживает столь непривычную и малоприятную ситуацию, и ее можно понять, но все, думаю, разрешится.

А потом разговор с Булатом. И, само собой, о наших новостях, ельцинском указе о департизации. Знаю, знаю, говорит Булат, и слышал, что его просили отсрочить на полгода. — Комитет конституционного надзора СССР обратился к Ельцину, но он ответил, что для этого нет оснований. — Ну, чудно! — заключает Булат.

Сообщаю ему о том, что в «огоньковской» библиотеке вышла его книжечка прозы — «Девушка моей мечты», «Не-

чаянная радость», «Баптист», что в восьмом номере «Юности» — его стихи, что в первом выпуске нового иронического журнала «Магазин» тоже его стихи, и среди них широко известное в литературных кругах старое стихотворение — «...министерство Союза писателей размещается на Поварской». Оказалось, что для Окуджавы не новость и публикация Манифеста о создании Союза независимых писателей. Говорит, что ему рассказали Манифест. Идея прекрасная. У нас сейчас вообще время хороших идей, добавляет он. Но очень часто механизмы реализации отказывают, и тут тоже все зависит от того, как удастся реализовать прекрасные идеи Манифеста.

И в конце разговора мы касаемся щепетильной темы — денежной. Булат, мало сказать, удивлен — поражен, что идет сбор денег для его лечения, считает, что это плод ложной информации. Я очень признателен за заботу, но я не хочу, чтобы это делали. Пусть Московский центр авторской песни распорядится собранными средствами, как сам сочтет необходимым, ему видней, на что их потратить. Друзьям, знакомым и незнакомым он передает самый сердечный привет.

Ирина РИШИНА

Окуджаве а. в. б.